

К.С. Лисецкий

Бессилие как «культурная патология»

Ребенок личностно развивается в процессе социализации и обретения самоидентичности (Э. Эриксон). Как правило, не вызывает сомнений, что социализация и самоидентичность личности, по определению, явления положительные. Негативный результат возможен лишь при отклонении от нормального процесса личностной социализации, при отрицательном стечении обстоятельств или при перенесенных в детстве психологических травмах.

Негативные последствия социализации, в непрерывно развивающейся среде высоких технологий, возникновения все новых средств удовлетворения и формирования потребностей человека, остаются малоизученными. Быть может, это связано с огромными скоростями технического перевооружения жизни человека (когда выясняется вред какого – либо приспособления – оно успеет устареть), а, возможно, привлекательность новых технологий столь велика, что не хочется думать об их негативных последствиях.

Тем не менее, культурно – исторический процесс закономерно порождает не только новые достижения, но и новые формы патологии, так называемые «культурные патологии» (А.Ш. Тхостов 2005), [Психологический журнал, т.26, №6, 2005]. Такие патологии раньше не существовали и не могли существовать по техническим причинам, например, интернет – зависимость, зависимость от компьютерных игр. Реальность нашей жизни сегодня, острее, чем раньше, отражается в сочетании двух противоположных просвещенческих традиций прошлого и будущих от Д. Дидро и Ж.Ж. Руссо. Первая гласит, что прогресс – безусловное благо, ведущее «натурального человека» к совершенству, вторая, что прогресс подвергает «культурной порче» чистую и благородную природную сущность человека.

Развитие цивилизации и весь научно – технический прогресс направлены на то, чтобы человек, проявляя все меньше усилий, мог осуществлять все больше масштабных преобразований в окружающем его мире.

Любая технология, создаваемая культурой, направлена на экономию усилия, на снижение напряжения, на облегчение жизни. Любые орудия, от палки до машин и компьютеров, призваны облегчить или сэкономить человеческие силы, создать рычаг, модифицировать несовершенное тело, обеспечить результаты, недостижимые в естественных условиях.

Не вызывает сомнений, что человек – субъект и протагонист в культурно – историческом процессе. Однако, исследуя индивидуально – психологический уровень его жизнедеятельности, возникает понимание степени риска и возможности стать жертвой культурных достижений человеческого общества. Примеры очевидны. Автомобиль ведет к ожирению, раннее использование компьютера мешает формированию навыков арифметических действий у ребенка и т.п. Значит, социализация, в определенных случаях, может затруднять гармоничное развитие личности человека.

Исследуя понятие «культурная патология», А.Ш. Тхостов описывает ее проявление в виде «конверсионных расстройств» – нарушений отправлений отдельных телесных функций, не основанных на органических патологиях.

В сфере психических функций «культурная патология» проявляет себя диссоциативными расстройствами – нарушением произвольной регуляции и десоциализацией целостных психических функций.

Разделяя точку зрения А.Ш. Тхостова, мы рассматриваем предпосылки и формы возникновения наркотической зависимости, как одной из наиболее опасных и распространенных «культурных патологий».

Проблематично рассматривать культуру, даже в самом широком смысле, как основание для возникновения у человека индивидуально-психологических патологий. Тем не менее, практика показывает актуальность такого подхода. Психосоматические заболевания, различного рода психические зависимости (аддикции), наркомания, игромания, интернет зависимость и др. быстро распространяются, приобретая все новые и все более опосредованные формы влияния на личность человека. Необходимость разобраться в психологических феноменах и механизмах этих явлений очевидна. Тем более, что риск возникновения патологии находится в самом основании культурно-исторического развития человека. Речь идет о знаково-символическом опосредова-

нии. Знаково-символическое опосредование – универсальный инструмент, осваиваемый в онтогенезе, который дает возможность человеку овладеть своим поведением через овладение управляющими стимулами. Эта идея, взятая у Гегеля, была предназначена объяснить возможность влияния на реальное поведение субъекта Воли [Гегель Г.В.Ф. Система наук. СПб.: Наука, 1992]. Поскольку не ясно, каким образом можно «прикрепить» волю к материальному действию, ибо они находятся в разных пластах, была использована метафора «хитрости» разума, не вмещающегося в действие природных сил, но сопологающего их в последовательности, отвечающей желанию субъекта, без нарушения природных законов. Например, существование самолета ни в коей мере не нарушает ни одного закона природы, но в природе самолетов не бывает, а его изобретение позволяет человеку совершать действие, не совместимое с его природой – летать. Тем не менее идея знаково-символического опосредования действительно раскрывает специфическую функцию культуры – ослабление усилия. Более того, она отражает еще одну, очень важную функцию, а именно, возможность знаково-символического удовлетворения потребностей, перенесения действия в символический пласт.

Удвоение мира за счет знаково-символического пространства, пространства культуры, значительно расширяет возможности человека. В результате, помимо прямого действия становится возможным действие символическое. Читая книгу, слушая музыку, просматривая кинофильм, человек может испытать почти те же чувства, которые мог бы испытать, став физическим героем этих произведений.

Таким образом, расширяя пространство жизни, культура, одновременно, существенно облегчает человеку удовлетворение и реализацию многих потребностей. Приближая момент удовлетворения, сокращая и облегчая к нему путь, культура, при этом, лишает человека самостоятельного усилия во времени и пространстве. Это делает возможным распад согласия между чувствами и реальными действиями человека. Получается, что иллюзорное удовлетворение потребностей оказывается не чем иным как достижением культуры. Естественно, не в этом состоит ее цель, тем не менее, сегодня уже созданы и широко распространены специальные технологии по управлению человече-

скими потребностями, помогающие овладеть такими непроизвольно управляемыми состояниями, как аппетит и сексуальное возбуждение.

Алкоголь и наркотики – искусственные модификаторы психического и физического состояния человека. Они обладают психопатологической спецификой воздействия на живой организм, но, тем не менее, невозможно отрицать, что они не являются продуктами культуры.

Можно сделать предварительный вывод о том, что возможность знаково-символического опосредования как механизма произвольной регуляции и удовлетворения потребностей может стать следствием побочного эффекта культуры – «культурной патологией».

Теперь внимательнее рассмотрим особенности социализации психических и телесных функций конкретного индивида. Она заключается в превращении его биологических по происхождению функций в «высшие» биопсихосоциальные, формируя, таким образом, у него область «новых возможностей», приобретаемых прижизненно, произвольно регулируемых и социокультурных по происхождению (Выготский Л.С., Леонтьев). Для порождения высших форм психики и развития саморегуляции индивиду принципиально необходимо совершать определенные усилия, самому подбирать и фиксировать соответствующие психофизические напряжения. Наличие необходимой последовательности фаз саморегуляции формирует нормальную линейную модель времени, включающую в себя прошлое, настоящее и будущее, дающую индивиду возможность оперативной, текущей регуляции процессов жизнедеятельности и долгосрочного планирования. Психологическое переживание времени сначала рождается как заторможенная деятельность, как протяженное, пролонгированное напряжение, которое затем само становится высшей формой смысловой регуляции «расчетного» усилия и предполагаемого напряжения. Сама по себе регуляция имеет смысл только при существовании представления о времени и жизненной перспективе, которые и порождают в индивиде субъекта саморегуляции. Через торможение, задержку, отказ, напряжение и произвольное внутреннее усилие только и могут объективироваться те или иные функции и феномены психики. М. Мамардашвили принадлежит мысль о том, что жизнь – это усилие во времени [М. Мамардашвили].

В случае неуспешного прохождения фазы социализации на индивидуально – психологическом уровне может возникнуть фиксация архаической, циклической модели времени, при которой непознаваемые внешние силы своевольно, «неисповедимо» управляют субъектом. Эти силы исключают для человека возможность планирования, делая его полностью детерминированным внешней или внутренней (физиологической) стимуляцией. Необходимо обратить внимание на то, что именно произвольная регуляция превращает индивида в субъекта и является центральным звеном формирования его идентичности. Поэтому недостаточность произвольной регуляции, субъектная невыраженность может рассматриваться как психологический механизм нарушения переживания времени и самоидентичности. Подобное возникает и в ситуациях патологически рискованного поведения или при различного рода зависимостях (аддикциях) [А.Ш. Тхостов, 2005].

В этом контексте время можно рассматривать как превращенный вариант интериоризированного усилия субъекта, связанного с торможением удовлетворения потребностей, отсрочкой психической и физической разрядки, фиксацией усилия достижения.

В условиях современного развития информационных технологий и технического прогресса, возникновению «культурных патологий» могут способствовать и другие предпосылки. Менее фундаментальные и более ситуативные. Однако, их последствия в жизни конкретной личности бывают чрезвычайно разрушительными. Различного рода психотравмы, жестокое обращение в семье, насилие, пережитое в детстве, могут оказывать значительное влияние на судьбу человека. Но, как показывает практика, возникновение «культурной патологии» возможно и в условиях гипертрофированной любви к ребенку, т.е. на противоположном полюсе психотравмирующего воспитания. Ссылаясь на старых и новых психоаналитиков, А.Ш. Тхостов доказывает, что не только избыточное насилие или ранняя психотравматизация вызывает психопатологические симптомы, но и избыточное облегчение существования ребенка превращается в тормоз развития навыков самостоятельности, сепарации и даже построения устойчивых границ субъекта. «Всеприсутствующая мать», удовлетворяющая все потребности ребенка до их актуализации, лишает его возможности форми-

рования устойчивого выделения себя из мира. Воспитатели не должны забывать, что мера физиологической и психологической неудовлетворенности способствует или препятствует формированию центра кристаллизации субъектности, сознания и самосознания личности, устойчивых границ «Я». Гипертрофированная любовь способствует развитию «невротической личности» не меньше, чем отсутствие любви или травмирующее насилие.

«Невротическая структура» – следствие избыточной любви или отсутствия «третьего» в диаде мать – ребенок. Они исключают необходимость в приложении собственных усилий ребенка к завоеванию своего места, своего права, поскольку все это заранее уже завоевано [Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990; Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998].

Сегодня широко известная концепция так называемого воспитания без принуждения интерпретируется педагогами крайне однобоко, несмотря на наличие фундаментальных исследований методологических и методических основ свободного воспитания [Магомедов Н.М.].

По видимому, идею травматизации ребенка в процессе его воспитания позаимствовали у классического психоанализа, и без необходимой адаптации стали ее внедрять в педагогическую практику. Дошло до того, что ученик может получать необходимые знания и умения без всякого принуждения, без усилия, без оценок и даже лежачим. В результате, к моменту перехода в среднюю школу ученики плохо знают таблицу умножения, а к моменту окончания школы не всегда способны показать на карте мира страну, в которой живут. С точки зрения «гуманистической» педагогики все это не очень важно, поскольку основная цель – развитие свободного человека! К сожалению, у таких детей диагностируется неадекватная самооценка и особенности волевой сферы, затрудняющие их социальную адаптацию и развитие личности [Корольков А.А., Петленко В.П.].

Всем давно известно, что обучение ребенка есть с помощью ложки, а так же другим элементарным гигиеническим навыкам не происходит гладко. Феномен наказания, прямого или косвенного, в широком смысле, принципиально неустраним из процесса приобщения ребенка к жизни в культуре. Это ставит под сомнение представление о возможности абсолютной гармонии диады во-первых, взрослый –

взрослый, во – вторых, субъект – социум [Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, 1996]. Есть руками гораздо проще, в связи с тем, что регуляция деятельности телесных функций, влечений и потребностей требует постоянных и довольно значительных усилий.

Для ребенка преимущества высшей функции перед натуральной не всегда очевидны. Преимущество высшей функции, заключающееся в потенциальной возможности выхода субъекта за границы наличной ситуации и действия (или недействия) в соответствии с иными, ненатуральными правилами, а иногда и вопреки им. Показательно, что усилие прежде, чем стать интериоризированным (осознанной, потенциальной возможностью), изначально регулируется извне и, соответственно, имеет генетическое родство с насилием. Без усилия, торможения, напряжения, запрета у субъекта не может быть выбора. Выбор – условие свободы. Выбор без моего усилия, без моего участия – это выбор другого за меня, что способствует потере моей свободы, исчезновению меня как действительного субъекта личной жизни.

Свободное воспитание не должно освобождать ребенка от усилий и напряжения, не должно предопределять его выбор, оно должно обеспечивать условия для выбора в процессе произвольной интериоризации усилий.

К сожалению, предпосылки «культурной патологии» не ограничиваются процессом воспитания, исключая усилия воспитанника. Достижения в области информационных технологий, открывающие человеку новые большие возможности иногда тоже оказываются не безобидными.

Интернет для неопытного пользователя легко превращается в экзотические «джунгли», где можно произвольно заблудиться среди яркой и привлекательной информации, в большинстве случаев совершенно бесполезной. Способы размещения и подачи информационного материала в Интернете настолько быстро и сильно «захватывают» внимание пользователя, что для его освобождения требуются значительные психологические усилия. «Блуждание» по Интернет – пространству генерализует желание человека быстро фиксировать и

обрабатывать непрерывно поступающую информацию, не упуская все новые, каждое мгновение открывающиеся, возможности. Это желание не может быть реализовано, так как оно, в принципе, невыполнимо. Множество «эффектов незаконченного действия» (Зейгарник Б.В.) непрерывно накладывается друг на друга, ограничивая субъекту рефлексию происходящего с ним в действительности переживания. Мозг, перевозбужденный избыточной стимуляцией, не в состоянии справиться с такого рода задачей. Сознание субъекта утрачивает иерархичность и последовательность целеполагания. Человек, в этой ситуации, пытается делать одновременно все, более того, информационный поток, упорядоченный определенным образом, параллельно подкрепляет в нем чувство, что это возможно, что все вот – вот получится, что желание будет удовлетворено, что до триумфа осталось совсем немного. На самом деле, это невозможно, недостижимо, но субъект, утрачивая свою субъектность, оказывается погруженным в своеобразный транс. Информационная перегрузка, как способ наведения трансa, подробно описан в работах М.Эриксона. Известные психологические феномены «устремление» (Петровский В.А.) и «поток» (Чиксентмихайя М., 2006) принципиально отличаются от вышеизложенного состояния наличием эффекта саморазвития личности и подлинной, а не «заимствованной», субъектности.

К другому источнику «культурной патологии» можно отнести феномены «выученной беспомощности» (Селигман М.) или «обученной беспомощности» (В. Ротберг, 2002). Беспомощность – это неспособность сделать или совершить что – либо без внешней посторонней помощи. Выученная беспомощность является результатом обучения ребенка беспомощности собственных усилий. Выученная беспомощность, возникшая при определенных условиях (гиперопека, игнорирование, отсутствие выбора), может быть распространена на другие сферы жизни и деятельности человека. Сферы, где достижение личного успеха не только желаемо, но и при некотором усилии возможно. «Интерииоризированное бессилие» ограничивает индивиду становление его субъектности среди множеств идентификаций.

Многочисленные технические средства, социальные, в том числе коммуникативные технологии, созданные для облегчения жизни людей, все более эффективно справляются со своими задачами. Они на-

столько облегчили удовлетворение почти любой потребности современного человека, что усилия, необходимые для удовлетворения потребностей или для совершенствования собственных личностных средств развития и самореализации, стали почти не нужными. Удовлетворение любой потребности нажатием «одной кнопки», без личного усилия, без осознания смысла совершаемого действия вредит здоровью личности и здоровью тела. Мир без целеустремленного усилия конкретной личности к самосовершенствованию – это сон, обморок, смерть, остановка прогресса.

Постоянное усилие имеет принципиальное значение не только в генетическом плане, для формирования высших форм психической деятельности, но и вообще для нормального функционирования человека. Вакуум усилия способствует возникновению «пустот» в чувстве существования. Эти пустоты человек стремится заполнять во что бы – то ни стало. Длительное пребывание в состоянии, заполненном чувством беспомощности или бессилия – невыносимо и разрушительно. «Пустоты» постепенно начинают играть роль новых потребностей, которые можно обозначить как потребности «в заполнении внутренней пустоты». Их сходство с потребностями в новизне, творческой активности, личностной устремленности только внешнее, на самом деле, потребность «в заполнении внутренней пустоты» аморфна по структуре и безразлична к сознательному выбору индивида. На основе такого рода потребностей, чаще всего, возникают различного рода зависимости, жестко детерминирующие поведение человека.

В природе человека не заложена потребность в употреблении наркотиков, иначе бы человечество давно выродилось. Наркотическая зависимость – продукт формирования высших потребностей, хотя и патологический. Зависимость позволяет получать удовлетворение от бессилия как такового, «заимствовать субъектность» (Лисецкий К.С.).

Еще один источник патологии заключается в том, что сама система социокультурной регламентации может быть крайне противоречива, то есть представлять собой систему взаимоисключающих требований. Это сильно проявляется в отношении потребностей, жестко регламентируемых культурой, например, сексуальной потребности. Одна из наиболее фундаментальных человеческих потребностей на

самых ранних периодах истории регламентируется законодательно, с жесткой, но при этом крайне противоречивой системой запретов, в отношении нарушения которых формируются даже особые «правила нарушения» [Корольков А.А., Петленко В.П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. М.: Медицина, 1977]. Неудивительно, что сексуальные расстройства относятся к числу наиболее распространенных, особенно в развитых странах.

Интернет, предоставляя пользователям огромные возможности для коммуникации (чаты, блоги, форумы), находит все большее распространение не только в молодежной среде, но и у старшего поколения. Достоинства этого очевидны, но не стоит забывать о психологических издержках общения без усилий. Поскольку собеседники не видят друг друга, они могут представляться кем угодно, приписывать себе не свойственные качества, называть себя любыми именами. Эта увлекательная игра, не требующая усилий, располагает к безответственности и фантазированию. Однако, если со временем фальсификация не раскрывается, то подлинные отношения между соучастниками общения могут стать невозможными. Если у пользователя, в реальной жизни, имеются проблемы с общением и стабильностью идентификаций, то Интернет – общение (общение без напряжения) мало поможет ему в решении этих проблем, и даже будет способствовать размыванию ранее сложившихся форм идентичности.

Сегодня бурно развивается индустрия развлечений: лотереи, телеигры, викторины, казино и компьютерные игры, а так же формы поощрения потребительской мотивации, когда нужно собирать крышечки, бирочки, фрагменты рекламных слоганов и др., то есть все, что приносит какой-нибудь успех без усилий, опыта и напряжения. Необходимость много и напряженно трудиться воспринимается молодым поколением как жизненная неудача. Все время хочется угадать букву и стать наконец-то миллионером. Глянцевые журналы пропагандируют и утверждают ценности, противоречащие нормам традиционной социализации. Резкое изменение стереотипов, особенно в России, деформирует образ мира, усиливает дефицитарность идентификации и патологические феномены психологических защит, «благословляет» бегство от жизни и противоречивые способы совладения с ней.

В завершение, стоит упомянуть, что суперинформационные технологии легко трансформируются в супердезинформационные, способные создавать и поддерживать ложные представления о людях, об исторических событиях, о мире в целом.

Э. Фромм отмечал еще в прошлом веке, что прогресс не оправдал ни одного из великих ожиданий: люди не стали ни свободнее, ни счастливее (Фромм Э.).

Спор, начатый Д. Дидро и Ж. Руссо, продолжается до сих пор. Злоупотребление наркотическими веществами и другие формы зависимости остаются смертельно опасными условиями социализации личности.

Проблема эффективности профилактики «культурной патологии» становится все более актуальной. Но профилактика сегодня должна заключаться не в «прививках старины», а в развитии субъектности каждого ребенка, когда его самосозидающее усилие исключает возможность удовлетворения бессилием. Для этого, в процессе социализации личности, нужно согласовывать природное и культурное в человеке, как онтологически заданное, а не только как когнитивно понятное, выбирая между насилием и бессилием индивида, – усилие субъекта.

Литература

1. Гегель Г. Система наук. СПб.: Наука, 1992.
2. Корольков А.А., Петленко В.П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. М.: Медицина, 1977.
3. Тхостов А.Ш. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. Т.26. №6.
4. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
5. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, 1996.
6. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.